

Журнал "Вокруг Света"

№6, июнь 1964

УДК 55
ББК 26.3
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг Света": №6, июнь 1964 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 72 с.

ISBN 978-5-458-43340-2

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды и читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В. Ерофеев, А. Беляев и многие другие. За время издания было выпущено 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года). В номере:- Норвегия рядом- Две встречи с Кусто- В пещере Гуачаро- Обманчивая планета- Сливен - град легендарный

ISBN 978-5-458-43340-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

диной убило слона. Поля перепыхивает — куда трактору!

...Разговор закончился несколько неожиданно. Уже прощаясь, Сергин сказал:

— Между прочим, в Алазанской долине научились неплохо укорачивать руки стихиям. Это делается... Кстати, ты сам можешь посмотреть, как это делается. Если, конечно, хочешь.

— Конечно, хочу. Еще бы не хотеть!

И вот в середине мая прошлого года группа работников Центральной аэрологической обсерватории

Рисунки
С. ПРУСОВА

вылетела в Грузию на экспедиционном «Ил-14». В составе группы летел и автор этих строк, зачисленный на должность старшего механика группы ракетного воздействия Алазанской противорадовой экспедиции.

РАБОЧЕЕ ОБЛАКО

Наш «Ил-14» мы узнаем, не глядя на номер, — он похож на стрекозу. В кабине наблюдателей вместо окошек установлены блистеры — большие, миллиметров восемьсот в диаметре, плексигласовые полусферы, увеличивающие угол обзора до ста восьмидесяти градусов. Расположенные впереди крыльев, они придают самолету курьезное сходство с гигантским пучеглазым насекомым.

У левого блистера — рабочее место бортаэролога Тамары Шевалдиной. У правого обычно сидит руководитель летной группы Нина Васильевна Смирнова.

Летная группа ищет облака. То есть не вообще облака — их у нас над головой ежедневно проплывает сотни, — летная группа ищет рабочие облака. Рабочим может быть далеко не каждое облако, и те, что плывут над головой, в большинстве своем «не то», как говорит Смирнова. Дело в том, что облаков в при-

роде существует десять форм, двадцать видов и три с лишним десятка разновидностей, каждая из которых носит звучное латинское имя.

Из всех разновидностей нас интересует пока лишь одна — Cumulus congestus, что в переводе означает: кучевые, мощные. Это и есть наши рабочие облака. Кстати сказать, Cumulus congestus — название официальное и высокопарное — упо-

требуется у нас редко. Чаще можно услышать фамильярное «кучевка» или ласковое «кучевочка».

Работать с «кучевкой» опасно и трудно. В красивом и безобидном на вид облаке скрывается страшный бич самолетов — турбулентность внутриоблачных воздушных потоков. Чем больше мощность облака, тем сильнее в нем турбулентность. Мощность облака — это, собственно говоря, его высота — расстояние от нижней границы до вершины. Так вот, когда мощность переваливает за 4 тысячи метров, турбулентность в облаке начинает превышать возможности летающей лаборатории. Естественно, что к выбору рабочего облака приходится подходить с оглядкой. Решающее слово здесь принадлежит пилотам. А мы уж полагаемся на их опыт, тем более что инструкция по технике безопасности не рекомендует совершать прогулки в мощнокучевых облаках.

— Вот так и бывает частенько: летаем, летаем, ищем рабочее облако, найдем, наконец, полюбуемся издали — и все! А в облако нельзя — инструкция...

В словах Смирновой звучит досада. Естественная досада исследователя, которому все нужно пощупать своими руками. Она понимает не хуже других: люди дорожат экспериментами, хотя бы и самых важных. А все-таки досадно...

— Хорошо еще «двадцать восьмой» выручает.

Речь идет о реактивном «Ил-28», который обычно работает в паре с нашим «Ил-14». Получив от нас координаты, 28-й «прошивает» облако на заданной высоте, сбрасывает реагент и уходит на аэродром. На долю «Ил-14» остается наблюдение за действием реагента. Со стороны. С той самой стороны, с которой, как говорят, виднее.

Впрочем, иногда, когда позволяет инструкция, мы заходим в облако. И тогда у исследователей светятся счастьем глаза: вот оно, милое, — на ладошке! И можно делать с ним все что угодно: можно поставить ему градусник, пощупать пульс, измерить давление. Можно залезть в него с головой и посмотреть, где оно прячет свою «ахиллесову пятую».

«Ахиллесову пятую» облака люди ищут уже не первый десяток лет. Еще в прошлом веке во многих странах делались попытки вызвать осадки, обстреливая облака шрапнелью. Тогда считалось, что кратковременные, но сильные звуки способствуют укрупнению облачных капель.

Долгие годы напряженной работы, настойчивые усилия целого ряда исследователей привели метеороло-

гов к важнейшему открытию. Оказалось, что, вводя в облака определенное вещество — реагент, можно влиять на происходящие в них естественные процессы. В зависимости от количества реагента и его состава можно либо предотвратить осадки, если они нежелательны, либо, наоборот, вызвать их. Ведь в природе многие облака и даже целые облачные системы возникают и исчезают, не давая дождя. Метод искусственного образования осадков открыл перспективы, уходящие в область фантастики. Становится в принципе возможным вызывать осадки там, где они необходимы. Отменять их там, где они не нужны. Изменять таким образом существующую систему осадков на огромных территориях земного шара — в пустынных и засушливых районах. Заставлять градоопасные облака сбрасывать свою губительную ношу где-нибудь в горах или над лесом, подальше от полей и плантаций. В основном это, конечно, дела будущего, но кое-что...

— Кое-что мы можем уже сейчас. — Смирнова протягивает мне переплетенную в черный ледерин рукопись. — Вот посмотри

Это отчет о работе летной группы в Алма-Ате. На последней странице заключение:

«...Проведенные экспедиционной группой Центральной аэрологической обсерватории в январе — феврале прошлого года оперативные работы по систематическому рассеиванию низких переохлажденных облаков и туманов с использованием наземных и самолетных средств воздействия показали их высокую эффективность».

Экономический эффект от использования методов активных воздействий в Алма-Ате за сезон может составить 150 тысяч рублей.

...Только по Казахстану, по пяти крупным аэропортам (Актюбинск, Караганда, Кустанай, Семипалатинск, Алма-Ата) внедрение этих методов позволит сэкономить не менее 500 тысяч рублей в год».

Вот тебе и «кое-что»!.

Наша летная группа разрабатывает методику воздействия на мощнокучевые облака. Работы здесь неопечный край. Нужно определить состав реагента, его оптимальные дозировки, ответить еще на десятки не совсем ясных вопросов. Только для того, чтобы найти наиболее эффективный и экономически выгодный реагент, необходимо провести сотни опытов. А сколько раз эксперименты давали результаты, опровергавшие и теоретические выводы и данные лабораторных исследований! И сколько раз приходилось вновь и вновь повторять один и тот же опыт!

...День за днем бороздит наша «стрекоза» воздушные просторы над Грузией. День за днем развевается под нами захватывающая панорама: грандиозные хребты, бездонные ущелья, серебряные нити рек — рельефная карта Кавказа в мельчайших подробностях. От этой картины трудно оторвать глаза. И все-таки вниз мы смотрим редко.

Главное для нас облака. Тому, кто смотрел на них только с земли, никогда не понять их грозной, подавляюще могучей красоты. Никогда не испытать острейшей смеси чувств — риска с восхищением, которая неизменно возникает, когда самолет врывается в облако и начинает кромсать винтами его клубящуюся массу. Риск отстает от восхищения на какие-то доли секунды. Облако спохватывается и берет нас в оборот в полную меру своих сил. А сил у него предостаточно. Неприятный холодок ползет по спине при виде того, как вибрируют и изгибаются плоскости. Как выдерживает все это самолет — уму непостижимо! Как выносит это человек, понять легче — это работа. Ежедневный будничный подвиг исследователя, превращенный в профессию.

Подвиг? Да, подвиг. Это не просто — прорваться сквозь дику тряску к самому центру клубящегося ада. Там, в глубине, его «ахиллесова пята». Там — извращение человечества от извечных бед — гроз, града, засухи, наводнений...

...Рабочее облако — оно пока еще не рабочее. Пока оно еще только материал для работы. Но уже совсем недалеко время, когда облако засучив рукава возьмется за работу собственноручно. Уж об этом мы позаботимся.

СЕРЕГИН ВСТАЕТ В ЧЕТЫРЕ

Сергеев встает в четыре. Ежедневно. С пунктуальностью будильника и неотвратимостью рока.

Он врывается к нам в домок, как Мамай в осажденную крепость, и кричит при этом так, будто этот самый Мамай гонится за ним по пятам:

— Мальчики-девочки, подъем!

И тут же начинается конфискация одеял. Как будто недостаточно было крика.

— Ну что за жизнь, — Дима Крубаев поднимается, кряхтя и охая.

Диме трудно. У Димы — баян. И вытекающая из этого обстоятельство популярность среди местных жителей. Популярность обходится Диме не дешево: отбой у него бывает намного позже, чем у всех остальных. Подъем же — на общих основаниях.

Как ни странно, готов Дима бывает раньше всех. Пока мальчики-девочки еще умываются, чистят зубы и изображают подобие завтрака, он успевает придирчиво осмотреть свой «ГАЗ-69», попинать носком ботинка каждое колесо, залить в радиатор воду, прогнать мотор и мимоходом сжевать бутерброд и выпить кружку кофе, оставленные ему предусмотрительным Сергеевым.

Но Дима — это Дима. Постоянный спутник Сергеева, он вынужден жить в «сергеевском» темпе.

Сейчас в экспедиции горячая пора: начинаются испытания новой ракеты. В самый короткий срок мы должны запустить около сотни ракет — всю пробную партию. За каждой ракетой мы проследим от старта до приземления, определим все элементы ее траектории, засечем время срабатывания всех ее механизмов, тщательно проверим надежность всех узлов.

Работать мы можем, только когда небо чистое — облака затрудняют нам оптическое наблюдение за ракетами и начисто исключают визуальное. Поэтому каждое утро нам приходится состязаться в скорости с Природой и Временем.

На повестке дня — облака.

И поэтому Серегин встает в четыре, когда солнце еще карабкается со скалы на скалу где-то по ту сторону Главного Кавказа, а над Алазанской долиной сияет чисто выметенное ночными ветрами небо — девственно-голубое, без единого пятнышка. Таким оно бывает в горах лишь самым ранним утром, и то далеко не всегда. И нужно спешить: немного позже Природа проснется, увидит мчащиеся к испытательному пункту машины и забудет тревогу. Солнце влезет на Кавказский хребет, уколется в спешке об его острые пики и, подпрыгнув, ползет на свое любимое место на небе. И тогда солнечные лучи включают мощные воздушные насосы. Потоки нагретого воздуха устремятся ввысь и потащат с собой испаряющуюся росу, туман, всю ночь провисевший над ручьями и реками, влажное дыхание миллионов растений. И над горами начнут зарождаться облака. Они будут расти незаметно, но стремительно. Не успеешь оглянуться, как над Алазанской долиной не останется ни одного голубого просвета. Тогда Серегин плюнет с досадой: «На сегодня все!» — и прикажет снять с установки уже готовую к запуску ракету.

С чистым небом на сегодня все. Теперь придется заняться облаками.

А облака продолжают расти. Прямо на глазах они достигают огромных размеров — восемь-десять километров в высоту. Вот верхушка облака начинает растекаться, принимая форму наковальни — оно становится грозным. В глубине клубящегося чрева происходит мрачное таинство зачатия — возникают градовые очаги. Один, второй, третий... И в каждом — десятки тонн ледяной шрапнели.

Особенно опасными облака становятся во второй половине дня. Как гигантские мешки, набитые градом, покачиваются они над горами в состоянии неустойчивого равновесия. Вот-вот сорвутся с хребта и ринутся в разбойничий налет на долину...

К вечеру в Руиспири, на командном пункте экспедиции, собирается весь штаб: начальник экспедиции

Амиран Ильич Карцивадзе, его заместитель Або Андреевич Орджоникидзе, начальник штаба Арчил Михайлович Окуджава, Юрий Алексеевич Серегин, синоптики, метеорологи, радисты — работы хватает всем. Здесь, на «КП», — узел связи, к которому сходятся нити от всех имеющихся в экспедиции локаторов и от сорока пунктов воздействия, расположенных на Гобморском хребте и в предгорьях Главного Кавказа. Локаторы непрерывно «щупают» темное небо невидимыми лучами. Каждые десять минут на «КП» поступают данные о движении градоопасных зон. Здесь быстро оценивают обстановку, принимают решение, и тут же по радио летят команды на пункты воздействия, где стрелки ждут наготове у заряженных установок.

— Трубка... Азимут... Угол... Пуск!

И ракеты, рассеивая реагент, пронизывают облака. Снова локаторы следят за результатами воздействия. Снова поступают данные на «КП». И так до тех пор, пока не будет ликвидирована угроза градобития. Тогда по экспедиции и будет дан отбой. В котором часу это произойдет, никто не знает. Может быть, в двенадцать, а может быть, и в два. А вставать все равно в четыре.

Это похоже на войну. Погода изощряется, как только может: прячет чистое небо, без которого мы не можем проводить испытания ракет, убирает куда-то необходимую для опытов «кучевку» и затягивает небо никому не нужной серой рванью, из которой неделями сыплется мелкий нудный дождик.

Мы тоже бросаем в бой все, что можем. Ничья нас не устраивает. Нам нужна победа. И мы неделями не вылезаем из машин. Спим где придется. А бывает, и вовсе не ложимся. Тут все: и лобовые атаки, и фланговые удары, и глубокие рейды в тыл — стратегия и тактика в чистом виде.

И свои агенты в тылу у «противника» — на контрольном участке. Там у нас Гена Воронов — «наш человек

в Акура». Он ведет счет врагам. Считает тщательно, скрупулезно. Сколько градин выпадает на один квадратный метр земной поверхности. Сколько в первую минуту. Сколько во вторую. Сколько за все лето. Считает, собирает в термосы, взвешивает на аптекарских весах, фотографирует целиком и в разрезе, нюхает, пробует на язык. Целыми днями сидит в темноте возле фотоувеличителя. Близоручко щурится на свет и ворчит, когда мы приезжаем его проводить.

Серегин встает в четыре. Сейчас, когда идут испытания, эта привычка очень кстати — будильником нас не разбудишь. Когда испытания закончатся, он все равно будет вставать в четыре. Всегда найдутся дела, на которые — хоть убей! — не выкроишь ни минуты. А уж если когда-нибудь Алазань потечет обратно и у Серегина не будет наутро совсем никаких дел, тогда он все равно встанет в четыре. Хотя бы для того, чтобы просто поглядеть на небо. С точки зрения непрофессиональной. Просто посидеть и посмотреть на чистое голубое небо.

А чистое небо в горах бывает лишь самым ранним утром. И тот, кто хочет его увидеть, должен встать в четыре. Тут уж ничего не поделаешь...

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Воздух битком набит свистящими градинами. Ледяные шарики, как пули, длинными очередями хлещут землю. Огромное зеленое поле седеет на глазах. Всего несколько минут — и оно уже совсем белое. Как зимой. И по нему выются-гуляют белые стяги. Ветер, где-то сорвавшийся с привязи, безумствует, как шаман, — носится гигантскими скачками, вертится волчком, свищет, воет, рычит, рвет и мечет.

Я устроился уютно — на кухне. Это корпус списанного локатора, что-то вроде большого автофургона. Снаружи по локатору бьет, наверное, не меньше сотни «пулеметов». Адский грохот стоит внутри — фургон металлический, и сидишь, как в железной бочке.

Но это пережить можно. Главное — здесь тепло и сухо, есть кофе и сигареты. Отсюда даже как-то приятно полюбоваться разгулом стихии и посочувствовать тем, кого этот разгул застал в чистом поле.

А в чистом поле — Вальпургиева ночь! В воздухе носятся, крутятся, появляются и исчезают куски толя, доски, фанера, консервные банки, чьи-то башмаки. Бешено вращаясь и лязгая на ходу ручкой, унеслось куда-то ведро. С треском завалилась палатка — наш склад. Из палатки выскочил ошалелый пес. И тут же, подхлестнутый градом, взвизгнул — и назад, под руины.

Экспедиционный «газик» дрогнул и как-то нерешительно дал задний ход. Наверно, Дима забыл поставить его на ручной тормоз. Надо бы выскочить, затормозить. Высунул руку и мгновенно отдернул назад, прошитую «автоматной очередью».

«Газик» прокатился еще немного, развернулся и встал под углом к ветру. Самостоятельно. Вот умища!

А выскакивать все-таки придется. Надо посмотреть, что там с нашим домиком. Что-то очень уж знакомыми показались мне пролетевшие мимо доски и фанера.

В домике все вверх ногами. На полу по колено воды. Плавают чьи-то вещи. С потолка по всей площади — душ. Вода рвется во все щели. Угол крыши сорван. На моей раскладушке сугроб града.

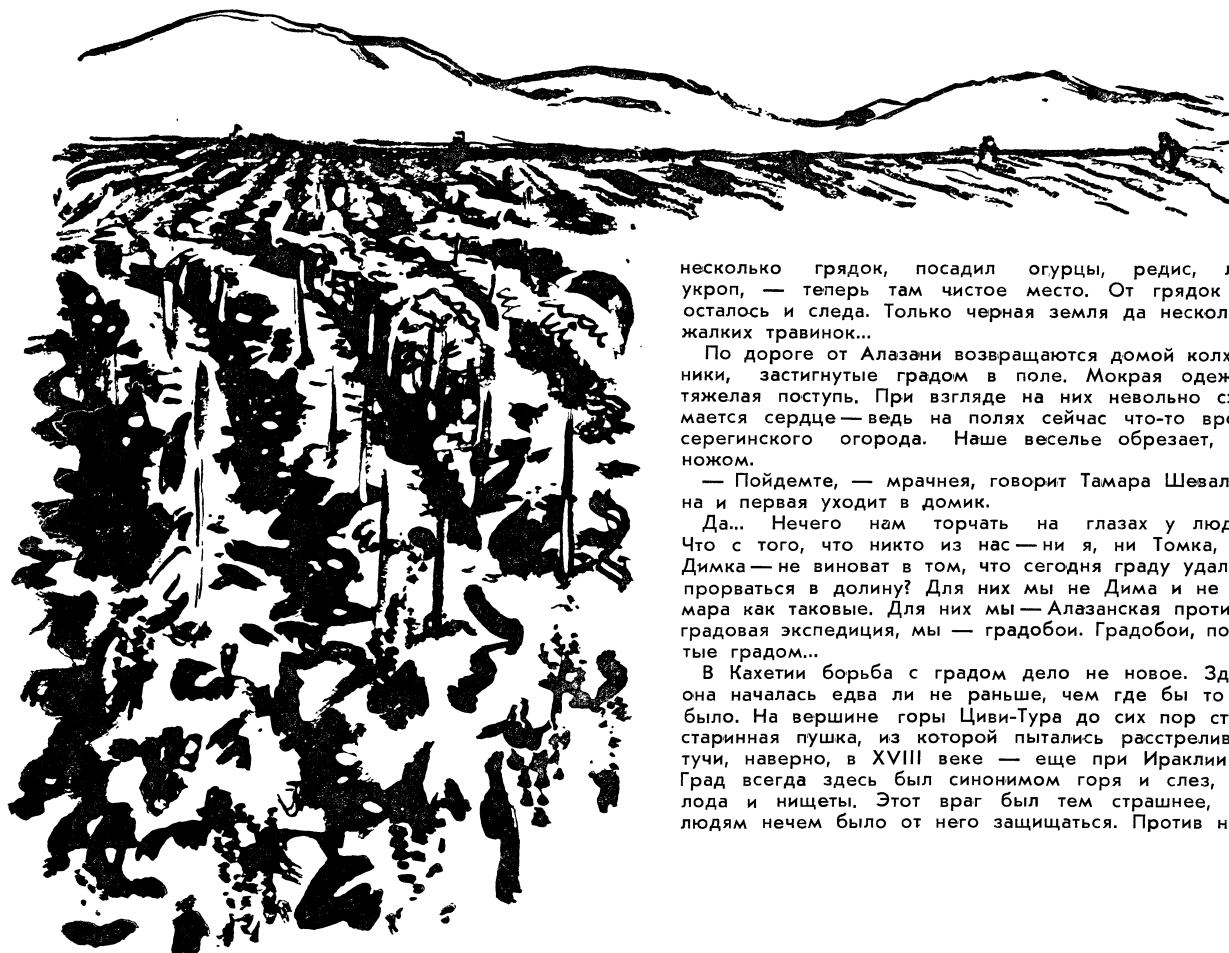
Ребята в трусах, меховых куртках и резиновых сапогах. Ноги — выше сапог — тонкие, синие. Стоят и хохочут во все горло. (Смех явно нервный.) Я присоединяюсь. А что делать? Действительно смешно — противоградовая экспедиция...

Задняя стенка домика вдруг выгибается парусом и трагически трещит. Дима бросается на нее грудью.

— Ребята, скорей! Завалитесь!..

Мы кидаемся на помощь. Дима знает, что говорит, — он эту стенку сам строил.

Серегинский огород исчез с лица земли. Был у нас огород за домиком. Хозяйственный Серегин разбил

несколько грядок, посадил огурцы, редис, лук, укроп, — теперь там чистое место. От грядок не осталось и следа. Только черная земля да несколько жалких травинок...

По дороге от Алазани возвращаются домой колхозники, застигнутые градом в поле. Мокрая одежда, тяжелая поступь. При взгляде на них невольно сжимается сердце — ведь на полях сейчас что-то вроде серегинского огорода. Наше веселье обрывает, как ножом.

— Пойдемте, — мрачней, говорит Тамара Шевальдина и первая уходит в домик.

Да... Нечего нам торчать на глазах у людей. Что с того, что никто из нас — ни я, ни Томка, ни Димка — не виноват в том, что сегодня граду удалось прорваться в долину? Для них мы не Дима и не Тамара как таковые. Для них мы — Алазанская противоградовая экспедиция, мы — градобои. Градобои, побитые градом...

В Кахетии борьба с градом дело не новое. Здесь она началась едва ли не раньше, чем где бы то ни было. На вершине горы Циви-Тура до сих пор стоит старинная пушка, из которой пытались расстреливать тучи, наверно, в XVIII веке — еще при Ираклии II. Град всегда здесь был синонимом горя и слез, голода и нищеты. Этот враг был тем страшнее, что людям нечем было от него защищаться. Против него

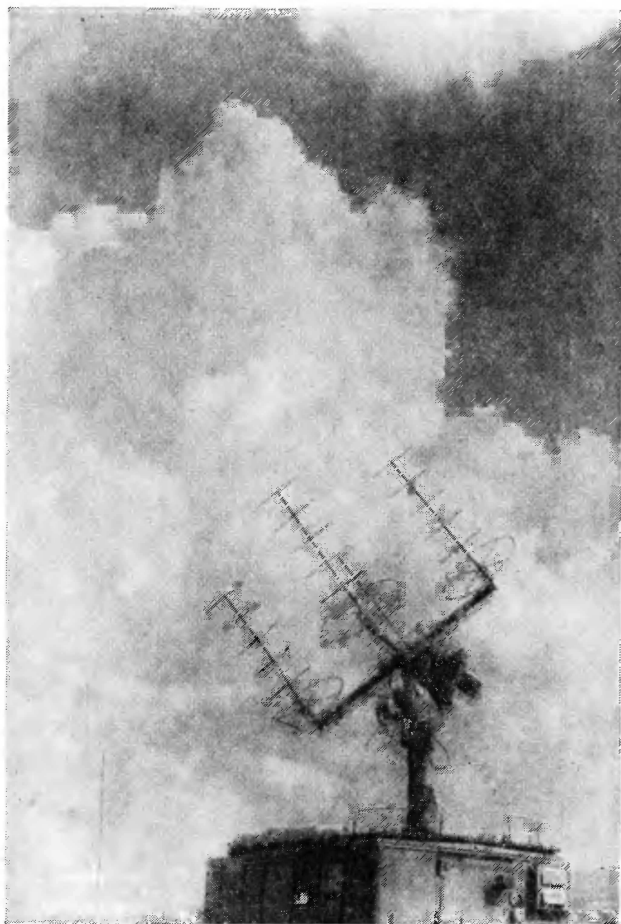
не выйдешь с копьем и мечом. Против него бессильны даже пушки. Оставались молитвы. И они приносили пользы не больше, чем глас вопиющего в пустыне...

Пока мы сидим в домике, я невольно вспоминаю, как помогали нам колхозники в нашей работе, с какой готовностью приходили на помощь, когда нам случалось попасть в затруднительное положение.

...Вот наши тяжело нагруженные машины с натужным воем лезут вверх по склону горы Пантиани возле селения Ахалдаба. За ними, оживленно беседуя, идет народ из деревни. На полпути передняя машина вдруг останавливается — впереди полоса пшеницы. Шофер растерянно чешет затылок: объехать негде — крутизна, а ехать по пшенице — рука не поднимается. Заметив нашу нерешительность, колхозники подходят к машине.

...И снова локатор «Малахит» «смотрит» в небо.

— Ничего, ничего, поезжайте, — говорят они. — Немного помнете — не беда! Вы нам больше пользы принесете.

А вечером приносят нам на гору хлеб, сыр, зелень, вино и категорически отказываются брать деньги.

— Как можно, кацо, ты в гостях или на рынке?

Через несколько дней мы должны были забросить на Пантиани новые ракеты. Но машины не могли пройти — крутой склон был размыт дождями. Вызвали вертолет, но и он не смог приземлиться на вершину. Ракеты выгрузили на склоне. Положение было критическим: надвигалась гроза, а ракеты, которые нужно всемерно оберегать от сырости, лежали на земле, под открытым небом. Пока мы ломали голову, как быть, снизу, из деревни, несколько человек пригнали могучих, как тракторы, буйволов, запряженных в арбу. Через двадцать минут все наши ящики были переброшены на вершину и надежно укрыты.

— Стыдно в глаза глядеть, — говорит Томка. — Они для нас ничего не жалеют, а мы...

И все-таки мы свое дело делаем. Однажды я разговаривал на эту тему с Або Андреевичем Орджоникидзе. Каков экономический эффект противорадсвой защиты? Стоит ли, собственно говоря, овчинка выделки? Орджоникидзе был краток. Взяв карандаш, он подвел меня к висящему на стене рельефному макету Кахетии.

— Вот смотри, — он размахисто обвел карандашом Алазанскую долину, — основной сельскохозяйственный район Кахетии. Сплошные виноградники, фруктовые сады, табачные плантации. Ежегодный ущерб от гроз и градобития достигает двадцати миллионов рублей. Мы защищаем сейчас, — карандаш лег поперек долины, — около ста пятидесяти тысяч гектаров. В прошлом году эта площадь дала прибыли на девять миллионов рублей больше, чем контролируемая, то есть такая же, но не защищаемая.

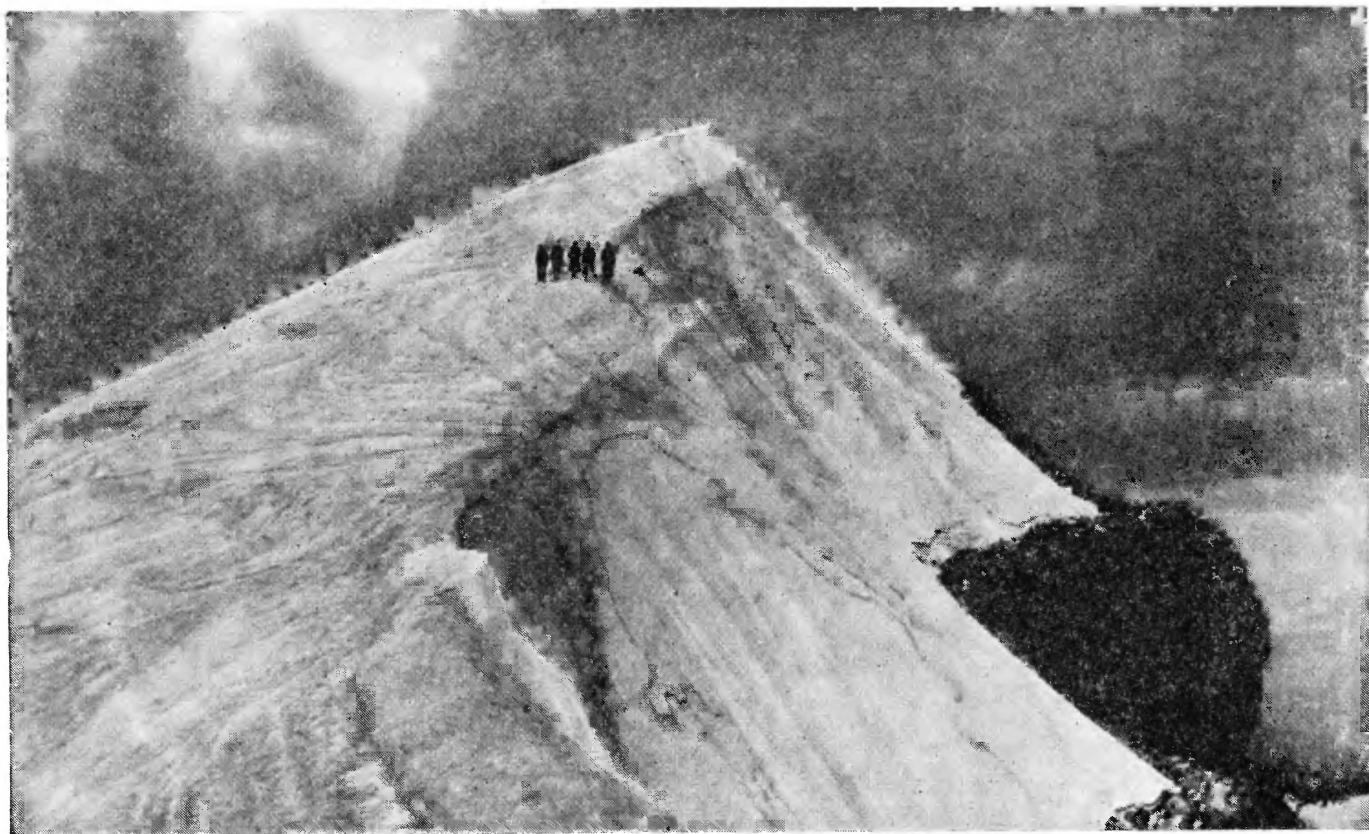
— Во сколько же обходятся сами мероприятия по борьбе с градом?

— Процента два-три от общей суммы ежегодного ущерба.

Забегая вперед, скажу, что за все лето граду удалось прорваться на защищаемый участок лишь дважды.

Два раза за все лето! И это в Кахетии, которая занимает одно из первых мест в мире по числу градобитий в год.

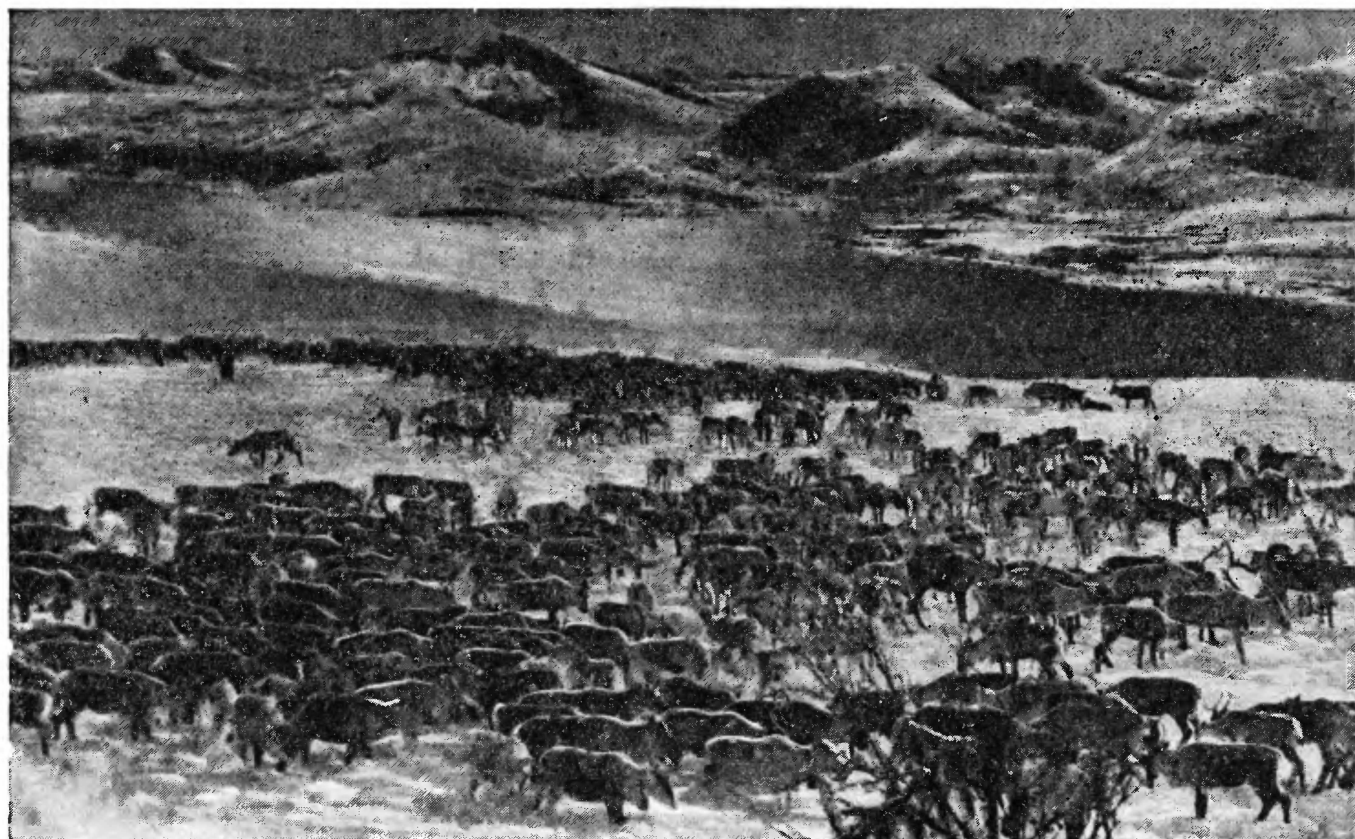
(Окончание на стр. 13)

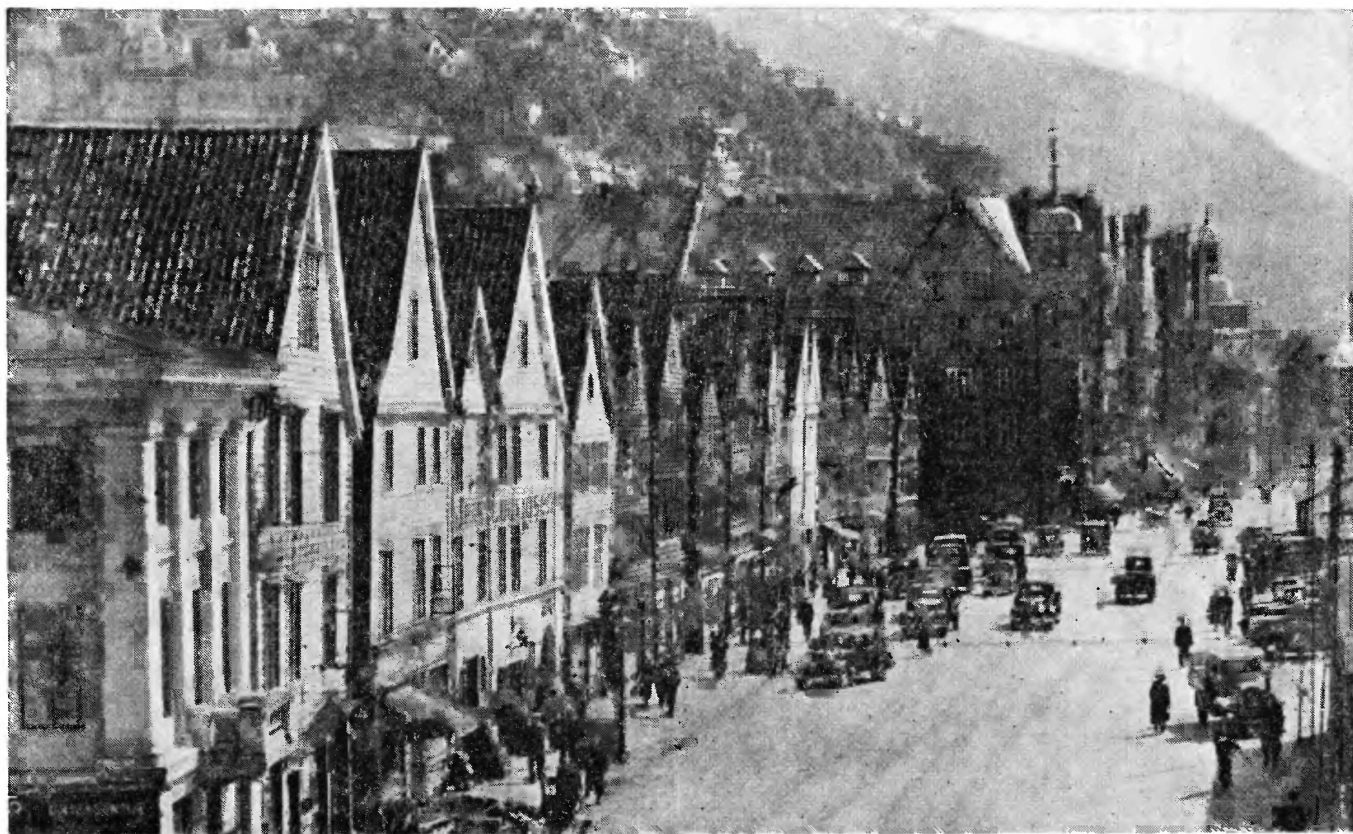

Глетчер Глиттертинн (2451 м) — одна из высочайших вершин Норвегии.

НОРВЕГИЯ—

Среди заснеженных скал на берегу Балс-фьорда находят себе пищу неприхотливые северные олени.

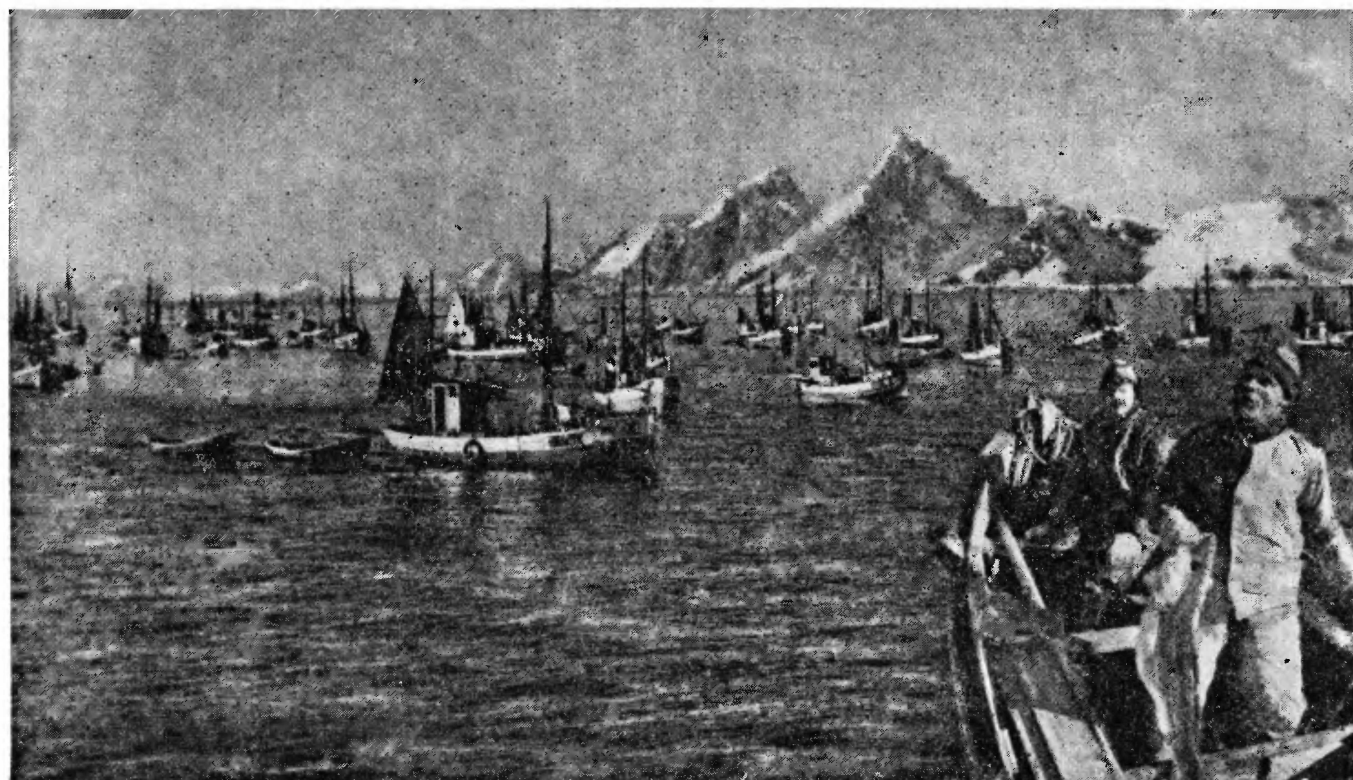

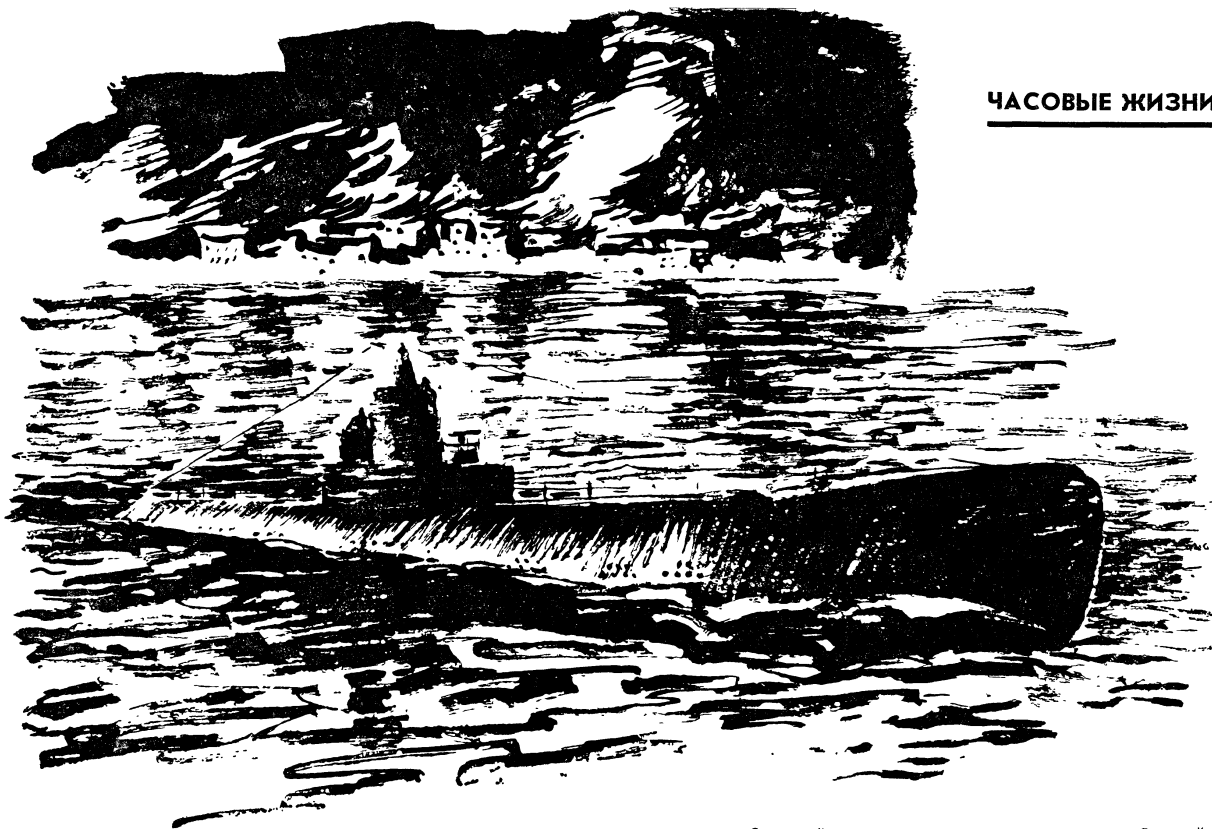

РЯДОМ

Фасады старинных домов выходят на одну из главных улиц Бергена, а задние их стены упираются в гору.

Когда к Лофотенским островам подходит треска, каждый здешний крестьянин становится рыбаком.

Светлой памяти героического экипажа балтийской подводной лодки „С-3“ и его мужественного командира капитан-лейтенанта Костромина посвящая.

ЮРИЙ ТАРСКИЙ

ПОСЛЕДНИЙ

В декабре сорок первого меня ранило под Тихвином, и я попал в Кронштадтский госпиталь. Парни в нашей палате подобрались что надо: все добрые вояки, любители крепко просоленной шутки и хорошей морской подначки. Спустя день мы уже были на «ты», а через три дня знали все друг о друге. И только старшина первой статьи Андреев — «молчун», как окрестили его ребята, — за две недели десяти слов не сказал. И во сне молчал. И на перевязках, когда сестра задубелые бинты от раны отдирала, ни слова не промолвит. Морщится, губы кусает, а молчит.

Но однажды на обходе молчун вдруг заявил:

— Плохо лечите, доктор.

Никодим Авксентьевич даже смутился:

— Рана у вас тяжелая. А на выписку поскорей, думаю, всем хочется.

— Мне «не хочется», мне надо.

Может, больше, чем другим, надо, — зло сказал Андреев.

Наш Никодим Авксентьевич, которого мы побаивались за крутой нрав, поворошил ежик на голове и, словно виновато, промямлил:

— Я уж постараюсь, товарищ Андреев.

Обидел нас старшина. Ему надо, а нам?

Дня через три после того обхода все разъяснилось.

После обеда я заснул. Проснувшись, гляжу — в палате гости: два командира. Сидят на табуретах возле койки старшины. На тумбочке — бумажный пакет, из него выглядывает румяное яблоко и торчит серебряный уголок шоколадной плитки.

Одного из гостей — худощавого, со строгим лицом комиссара подводников Зорина — я знал. Другой был мне незнаком.

— Командир бригады подлодок контр-адмирал Гром, — шепнул мне сосед.

Старшина волновался. Говорил

быстро, сбивчиво. Лицо его было бледнее обычного, худые, в красных прожилках руки мяли и разглаживали ворсистую ткань одежды.

— Война застала нас в Прибалтике, — рассказывал старшина. — Основные соединения кораблей вышли из гавани на морские просторы и вели ожесточенные бои с флотом противника. Наша лодка ремонтировалась. Весь день и всю ночь фашистские самолеты бомбили город.

Уж как мы работали! Дни и ночи. Спали по часу, по два прямо на палубе, у механизмов, да и то, когда валились с ног.

И все же сделать всего не смогли. Не успели. Стало известно: фашистские танки прорвались у Паланги и катят на город. Каждому ясно: оставаться на базе нельзя — с часу на час гитлеровцы закроют выход в море.

Командир базы распорядился: всем оставшимся в гавани кораблям, у которых исправны машины,

прорываться на север — в Ригу и Таллин. Корабли, оказавшиеся не в строю, приказал уничтожить. Подорвать своими руками...

Матросы взорвали в доке эсминец и подводную лодку, пустили на дно бухты тральщик и два «морских охотника». Моряки плакали, когда губили свои корабли... Плакали и кляли фашистов. Боман с эсминца перед тем, как бикфордов шнур поджечь, палубу целовал. Слезы по морщинам текут — не стирает. Однако сделали свое дело. Надводники в сухопутную оборону подались, а экипаж со взорванной подлодки перешел к нам.

Мы собрали дизеля, приняли боезапас для пушек, солярку. Торпед, однако, не грузили — аппараты все равно не действовали.

Хуже всего — лодка не могла погружаться. Электродвигатели подводного хода были разобраны и вместе со станцией погружения и всплытия погибли в разбомбленных цехах завода. В общем осталось от лодки одно название — «подводная».

Базу покидали за полночь, когда «юнкеры» и «мессеры» немало утомонились.

ВЗРЫВ

Выбрались мы из порта и повернули на север. Командир приказал проложить курс на Таллин, распорядился дать полный ход.

Прошел час. Второй начался. Море не шелохнется. Ночь — чернее черного; только под самым бережком вода от зарева, словно кровь густая. В каждой водяной выбоинке перескопы и мины мерещатся. Дизели стучат, что новые ходики.

Начало светать. С правого борта открылся маяк Ужава — три лесистые горюшки, и между ними башенка белая. Штурман обрадовался: «До мыса рукой подать. Уж теперь-то...» И досказать не успел, командир как закричит: «Воздушная тревога!» Глядим, от берега самолет летит: мы его «рамой» окрестили. «Рама» сторонкой пошла. Комендоры у пушек аж прищипывают. Однако командир стрелять не велит. С такой дистанции можем не попасть, а так, может, «рама» нас не заметила.

Глазастый фриц нам, на беду, по-

пался. Получаса не прошло, как из-за горизонта показались торпедные катера.

Наши комендоры открыли огонь. Первый залп — недолет. Второй и третий — за катерами. Но уж четвертый пришелся впору. Один катер на куски развалился, еще два задымили, перестали стрелять. Ну, думаем, отобьемся.

Только разве управимся с этойкой сворой! Их еще семь осталось. Вертятся, как блохи, с разных концов. У них и пушки скорострельные, и пулеметы, и торпеды. А у нас одно спасение — маневрировать.

Вот уж когда наш командир себя показал. То вправо, то влево лодку бросит, то застопорит ход, а то сразу как рванет с места...

Многих наших ребят фашисты покосили. Убьют комендора, ему на смену матросы и старшины из второго экипажа становятся — мотористы, электрики, трюмные.

Как ни бился мы, все же удалось одному фрицу к нам подобраться. Увидел я пузырчатые дорожки на воде, крикнул командиру: «Торпеды!» Но было поздно.

Взрывом меня оглушило и швырнуло на палубу. Когда очнулся, вскочил на ноги, снова вскарабкался на свое место сигнальщика. И вижу, корма лодки под водой, нос задрался кверху. Всех, кто находился на кормовой надстройке, взрывной волной снесло за борт. Пушка с обломанным стволом валяется поперек палубы. Дизели остановились, и ветер медленно разворачивает нас поперек волн.

Катера прекратили стрельбу. Видно, решили, что на нас снарядов не стоит тратить.

— Тепленьких хотят взять, — с ненавистью сказал командир.

Он покачнулся, обеими руками схватился за голову. Я подумал: «Сейчас упадет», — бросился к нему. Командир отстранил меня. С минуту он стоял, согрбив плечи, покачиваясь из стороны в сторону. Потом приказал:

— Запросите центральный пост: как у них там?

Из центрального поста ответили: кормовые отсеки затоплены, люди в них погибли, лодка продержится на плаву еще от силы пять-восемь минут. Командир наклонился над люком и крикнул им вниз:

— Нужно продержаться четверть часа. Слышите? Четверть часа!

Из центрального поста не ответили. Командир опять пошатнулся. Щеки у него стали белее снега. Он рванул ворот кителя и снова крикнул:

— Четверть часа!.. Ясно?!

Снизу, наконец, отозвались. Я узнал голос механика:

— Есть четверть часа! Продержимся...

Командир приказал позвать старшего помощника.

Я не понимал, что он задумал, как можно продержаться, если у

лодки оторвана корма, не работают помпы и море свободно вливается в отсеки через пробоины. Я вообще мало чего понимал: смотрел на близкий берег, на мечущиеся катера, на командира...

Старпом вылез из люка до пояса, дальше подниматься не стал. Он был перемазан в соляре, из полуоторванного рукава его кителя торчали рыжие клочья слежавшейся ваты.

— Как там? — командир ткнул пальцем в круг люка.

Старпом затряс головой.

— Говорите громче, не слышу.

Командир нагнулся к нему и почти криком повторил вопрос. Старпом махнул рукой.

— Плохо. Шесть человек осталось. Двое ранены. Вода быстро прибывает.

— Как запалы?

— Вставлены.

— Спички?

Старпом похлопал ладонью по нагрудному карману кителя.

— С матросами говорил?

— Да.

— Ну?

— Они — как и мы.

— Ясно. По готовности доложите и ждите мою команду... — Командир помедлил. — Если я не смогу, он подаст, — и показал на меня.

Стояла тишина. Катера заглушили моторы и болтались на волнах в отдалении. Где-то на берегу пророкотал взрыв, и над холмами позади маяка поднялось черное пушистое облако. Изредка с катеров взлетали ракеты: красные, зеленые, белые.

Но вот фашисты не выдержали. От их группы отделились два катера. Они приближались, петляя по-заячьи, и по всему было видно, еще боялись нас. На мачте ближнего катера подняли сигнал.

Командир спросил:

— Чего они хотят?

Фашисты по международному своду сигналов требовали: «Сдавайтесь, иначе открываю огонь».

Командир пожевал губами, усмехнулся.

— Приятный разговор. Поднимите им: «Ваш сигнал не могу разобрать».

Я удивился. К чему тут разговоры? Но приказ... Готовлю флаги. А командир снова:

— И не спешите, старшина. Нам торопиться некуда...

Набрал я сигнал, поднял, а фрицы сейчас же в ответ: «Спустите свой флаг», и, конечно, опять: «Иначе открываю огонь».

В это время из люка показался старпом. Он сказал всего одно слово:

— Готовы.

Командир не ответил. Вытащил из кармана кожанки пачку «Беломора», щелкнул пальцем по донышку. Потом протянул пачку старпому. Тот грустно улыбнулся.

— Прежде не научился, а теперь уже вроде поздно... Впрочем.

давайте, — махнул он рукой и потянулся к пачке.

Командир прикурил и подал горящую спичку старпому. Они присели на корточки возле люка.

Когда папироса была выкурена, командир аккуратно затушил ее о подошву ботинка, хотел швырнуть за борт, но передумал, сунул в спичечный коробок.

— Другого выхода у нас нет, — сказал командир.

Старпом кивнул.

— Знаю... Разрешите идти?

— Иди, — сказал командир и отвернулся. Стал смотреть на море.

И снова мы с командиром остались вдвоем. Он молчал. Привалившись спиной к тумбе перископа, смотрел на болтавшиеся вдали катера. Но вот он пошевелился, что-то сказал мне. Я не расслышал, попросил повторить. Он показал рукой на восток.

Над берегом всходило солнце.

На торпедных катерах засуетились. Головной катер дал ход. Следом за ним двинулись еще три катера. У нас за кормой они разделились на пары и стали подходить к правому и левому бортам лодки.

На их мостиках и палубах былолюдно. Уже можно было разглядеть лица фашистских матросов.

Я посмотрел на командира. Он вытянулся, левую руку сунул в карман, правую — за борт кожанки.

Обернулся ко мне, словно мой взгляд почуял. Наши глаза встретились. Он покачал головой — дескать, «все в порядке» — и снова повернулся к фашистам.

Лодка вздрогнула, застонало железо. То причалили катера.

Командир взял руку под козырек и торжественно, как на утреннем подъеме флага, скомандовал: — Военно-морской флаг поднять!

Я потянул за фал. У вершины флагштока ветер подхватил и рывком развернул полотнище. Словно белокрылая чайка, взметнулось оно над морем.

Немцы, хохоча, посыпали к нам на палубу. На мостике показался первый... Это был офицер. Он тяжело дышал, сизое, без кровинки лицо его было потно, ко лбу прилипли спутанные волосы. Гитлеровец что-то кричал.

Когда он поднялся над мостиком по поясу, командир шагнул ему навстречу и выбросил вперед руку с пистолетом. Но выстрела почему-то не последовало. Тогда командир размахнулся и что было сил швырнул пистолет в офицера. Тот всплеснул руками и, увлекая поднимавшихся следом за ним, полетел с трапа за борт.

Командир подскочил к люку и крикнул:

— Смерть фашистам! За Ро...

В глубине лодки ахнуло. Из люка вырвался раскаленный воздух и огонь. Палуба под моими ногами вспучилась, поднялась дыбом...

Старшина Андреев откинулся на подушку и провел ладонями по лицу, будто хотел стереть то страшное, что стояло сейчас перед его глазами.

Кто-то из раненых спросил тихо:

— А дальше?..

— Ничего не помню, — покачал головой Андреев. — Меня подобрала краснофлотцы-сигнальщики, их пост на маяке был. Они видели весь наш бой. Только один катер успел отскочить от лодки. Два разнесло в щепки, а третий так изуродовало, что гитлеровцы сами затопили его — видно, опасались, что могут подойти наши.

— Кроме вас, кто-нибудь еще спасся? — спросил комиссар.

— Нет. Все там остались. Их было пятьдесят семь. Я — пятьдесят восьмой...

Его зазубренный край уже поднялся над холмами, и все вокруг словно ожило. Сразу стало теплее.

Командир зажмурился. Мне показалось, что он застонал. Но спустя секунду я услышал его бесстрастный голос:

— Старшина, замените флаг на парадный. Я усталился на него.

— Но для этого нужно спустить старый флаг, а фрицы подумают...

Он не дал мне закончить:

— Какое нам дело до них, — и приказал: — Заменяйте.

Я вынул из сигнальной ячейки новый флаг и пошел к флагштоку. Флаг был огромный, шелковый. Мы берегли его и поднимали только по праздникам.

Я спустил наш старый, разлохматившийся по краям флаг и стал привязывать к фалу новый. Командир крикнул:

— Не торопись, старшина!

Рисунки В. НЕМУХИНА